

ИЗ ИМЕННОГО УКАЗАТЕЛЯ К «ЗАПИСНЫМ КНИЖКАМ» АХМАТОВОЙ: ДВА ИТАЛЬЯНЦА

Р. Д. Ти́менчик

(Иерусалим)

Нижеследующая выборка продолжает ряд из полусотни однотипных публикаций, в том числе включенных в три выпуска сего ежегодника (см.: Ти́менчик 2018: 256–312; Ти́менчик 2019: 179–247; Ти́менчик 2020: 240–286).

С того момента, как я двадцать пять лет назад по выходе в свет туринаского некомменти́рованного издания ахматовских «Записных книжек» приступил к составлению детального комментария к именам собственным, начертанным рукой поэта в рабочих блокнотах, имена итальянские всех веков, от Данте и Брунетто Латини до Лауры Боффа, она же Ирис Лаура Цоффоли (1927–2018), партизанская курьерша и переводчица (см.: Ти́менчик 2006: 214–275) и Фаусто Малковати (см.: Ти́менчик 2019: 198–199), не раз обсуждались с Ларисой Георгиевной Степановой (1941–2009) и с недавно ушедшим из жизни Николаем Всеволодовичем Котрелевым (1941–2021), и их оценки и тональность обсуждения исподволь отразились в изготовленных мною справках.

В настоящую подборку включена подсобная информация о двух итальянских славистах. Подробное исследование этой важнейшей для самоощущения поздней Ахматовой темы –

(ср.: «Юг почти невинно лицемерил / И мне также скупю воздух мерил / Что скупее мерить и не мог / Из-за пармских полунежных строк. – Ахматова 1996: 519)

– еще впереди, но начало уже было положено обзором Карло Риччо (Риччо 1998: 55–56) и докладом Ольги Яковлевны Обуховой (1949–2011) на одной из ахматовских конференций в Музее Ахматовой в Фонтанном Доме. С Карло, паладином «Поэмы без героя», я познакомился в Риме в 1998 году, и во время наших прогулок по

ахматовским местам, он заражал своим поистине юношеским энтузиазмом по части будущего ахматоведения, а во время хлебосольных застолий у них дома, неслышно темперированных его женой, прекрасной Анной, восхищал своим радушным и ровно доброжелательным отношением решительно ко всем коллегам, хоть единожды отозвавшимся о русской поэтессе.

Карневали (Carnevali) Бруно (1924–1990) – итальянский поэт, переводчик, издавший книгу: Achmatova 1962. Упомянут многократно в библиографических перечнях (см.: Ахматова 1996: 168, 211, 244, 302, 318, 322, 334, 347, 417, 430, 464, 473, 510, 524, 557, 590, 609, 735) и в списках адресатов рассылки сборника «Бег времени» (см.: Ахматова 1996: 637, 680).

В письме к Ахматовой от 28 апреля 1962 г. он представился молодым итальянским поэтом и литератором, переводившим много из Горького, Белинского, Есенина, Пастернака, Маяковского и в данный момент готовящим переводы из Ахматовой для издателя Уго Гуандалини (1905–1971). Он спрашивал: «Какие у Вас воспоминания о путешествии в Италии. Могли ли Вы для книги писать <sic!> итальянские воспоминания», а также «что написано о Вас, как например, Эйхенбаум и Виноградов». Письмо завершалось фразой: «Ваш народ самый добрый, может быть, в мире» (ОР РНБ. Ф. 1073. № 1712).

Черновик ахматовского ответа (ср. помету: «Написать Bruno». – Ахматова 1996: 322):

Многоуважаемый синьор X! из-за моего отъезда из Л<енингра>да я только очень недавно получила Ваше любезное письмо из Рима. Мне было приятно узнать, что Вы предполагаете издание моих стихов.

Желаю Вам от всего сердца полного успеха. Было бы чудесно, если бы Вы [в свое время могли бы прислать] своевременно прислали бы мне переводы. Я немного знаю ит<альянский> язык и могла бы быть Вам полезна. [Написать] Описать же для Вашего изд<ания> мое путешеств<ие> по Италии (1912 г.), к моему великому сожалению, не позволяет мне состояние моего здоровья.

Анна Ахматова

23 мая 1962

Москва (Ахматова 1996: 227)

16 августа Карневали писал: «Мне было очень жаль узнать, что из состояния <sic!> вашей здоровья <sic!><, > вы не сможете для нашей книги написать ваши итальянские воспоминания». Далее он сообщил, что написал очерк о поэзии Ахматовой, и просил разъяснить непонятные слова: «Дворец Фонтанный», «мангалочий дворик», «подкапризовый». «Кто это “таинственный художник”?». Письмо заканчивалось фразой: «Поздравляю с новым чудесным успехом советской науки!» (имелся в виду полет космонавтов А. Г. Николаева и П. Р. Поповича; ОР РНБ. Ф. 1073. № 1712).

Это письмо, как и последующее от 1 марта 1963 г. из Рима при посылке экземпляра книги, осталось, вероятно, без ответа (в 1998 году вдова Б. Карневали сказала нам, что не нашла в его бумагах писем Ахматовой). В своем издании Карневали точно разъяснил строки «Он ко мне во Дворец Фонтанный», «Туда по подкапризовой дороге»; «мангалочий дворик» из стихотворения «Заснуть огорченной...» в ответ на запрос чешской переводчицы Марии Марчановой объяснялся в письме Ахматовой от 7 сентября 1963 г.: «...мангалами в Средней Азии называют печурки, которых обыкновенно бывает несколько в дворике, потому что при тамошней жаре летом топить в кухне невозможно» (Марчанова 2006: 328–329). Строки «Совсем не тот таинственный художник, избороздивший Гофмановы сны...» в книге объяснены как отсылка к «Эликсиру Сатаны» Э. Т. А. Гофмана, где о загадочном inferнальном чужеземном портретисте говорит парикмахер Пьетро Белькампо: «...этот Живописец, или Вечный Жид, Агасфер, или же Бертран де Борни <sic!>, Мефистофель, Бенвенуто Челлини, или Св. Петр, но во всяком случае, выходец из того света» (Гофман 1897: 97; то же объяснение: Топоров 1981: 193–194).

Однако в строках –

И под ветер с незримых Ладог,
Сквозь почти колокольный звон,

В легкий блеск перекрестных радуг
Разговор ночной превращен.

(Ахматова 1976: 236)

– из стихотворения «Истлевают звуки в эфире...» он понял неверно множественное число гидронима, превращающее Ладожское озеро в нарицательное обозначение невидимых Китежей под русскими озерами (о почти обязательном присутствии национально-исторических символов в стихотворном диалоге с Исайей Берлином см.: Тименчик 1989: 378); ср.agrammaticный прецедент в стихах 1924 года, вполне возможно, известной Ахматовой: «Я не с ветру, не с далеких Ладог, / не с полярных красно-синих льдин / отражу сиянье этих радуг, / вспыхну мертвым инеем седин» (Асеев 1967: 445) – в этом месте Ахматовой впору было вспомнить известную ей фразу Мандельштама: «Говорил: “У меня рифм нет – рифмы у Асеева”» (Ахматова 1989: 147). Карневали здесь дал справку о двух населенных пунктах – Новой Ладоге, находящейся на берегу Волхова в месте впадения в Ладожское озеро, и Старой Ладоге, селе на берегу Волхова.

В заключение своего очерка Карневали писал, снабдив добавочной сноской с ответом на напрашивающийся вопрос:

E se una vera, profonda affinità volessimo ritrovare fra questa gentile e pur virile poetessa e un altro poeta russo, è il nome di Blok che irresistibilmente ci sentiamo suggerito. Rende simili i due poeti il loro severo impegno con la realtà: entro poetiche di evasione hanno saputo cogliere la drammaticità dell'epoca, le profonde dilacerazioni e dissonanze della coscienza umana; hanno portato l'elemento tragico, una irrimediabile inquietudine entro le cifre tranquille, nel ciclo astratto del simbolismo. Avvicina l'Achmatova a Blok quel discorso lirico tutto vero, in cui il respiro ritmico del verso è il naturale effondersi della voce interiore, ed ogni risorsa, arte, artificio viene riassorbita senza residui nella verità immortale del discorso poetico.

Nota. Vogliamo rendere ragione al lettore, in questa breve nota, del non aver voluto mescolare al nostro discorso alcun accenno al doloroso e brutale attacco di cui l'Achmatova fu ingiustamente vittima nel 1946.

Amiamo troppo il popolo russo, ci sentiamo troppo partecipi delle sue tragiche vicende per calcare ancora una volta la mano su una delle sue ferite. Chi conosce l'umanità russa sa con quanto, a volte disperato, impegno abbia accolto la sua sorte storica, sa quanta radicale volontà di purezza, di giustizia porti qualche volta anche contro le cose più sacre per amore d'un bene più alto. Del resto, vogliamo avere l'immodestia di credere che interpretiamo così l'animo stesso della poetessa, la quale, come tutte le coscienze più alte della Russia, non ultimo Pasternak, non è stata mai volgarmente avversa alle tragiche vicende della rivoluzione, alla grande prova storica cui la Russia contadina è stata chiamata, ai peccati, al sangue versato, di cui in maggiore o minore misura ci sentiamo tutti umanamente colpevoli.

Quanto alla questione se nella sua poesia abbiamo trovato eco esplicitamente gli avvenimenti della rivoluzione e della guerra, dopo ciò che abbiamo detto fin qui, ci pare ingenuo andare a verificare come e quanto ella abbia espresso di essi. I bei versi che ella ha dedicato alle durissime prove del suo popolo, sono belli quanto tante altre nobili espressioni di eroismo e di patriottismo; e noi non abbiamo mancato di darle qualche esempio nella nostra scelta. Con essi cessava la sua Musa più segreta e persona, e la sua voce, fattasi anonima, rientrava nel seno, nel caldo, natale sangue del suo popolo in lotta contro il feroce invasore, per un alto ideale di libertà e di giustizia. [«И если нам хотелось бы найти настоящую, глубокую близость между этой нежной и в то же время мужественной поэтессой и каким-нибудь другим русским поэтом, – нам непреодолимо внушается имя Блока. Суровая приверженность к реальности сближает двух поэтов: в своей поэтике преодоления действительности они сумели уловить драматичность своего времени, глубокие перекосы и диссонансы человеческой совести; они внесли трагический элемент, непоправимую тревогу в безмятежную шифровку, в абстрактный небосвод символизма. Ахматова приближает Блока к той подлинно лирической речи, в которой ритмическое дыхание стиха есть естественное излияние внутреннего голоса, а все художественные средства, умения, приемы без остатка поглощаются бессмертной правдой поэтического дискурса.

Примечание. Этой короткой заметкой хотим объяснить читателю, почему решили не вмешивать в наш рассказ какие-либо упоминания о болезненной и жестокой атаке, жертвой которой Ахматова несправедливо стала в 1946 году. Мы слишком любим русский народ и слишком вовлечены в его трагическую историю, чтобы снова бередить одну из ран. Всякий, кто знает русскую цивилизацию, знает, с какой, порой отчаянной, преданностью она приветствовала свою историческую судьбу, знает, насколько в радикальном стремлении к чистоте, к справедливости она иногда приносила в жертву ради высшего блага даже все самое освященное. Кроме того, мы позволим себе нескромность полагать, что мы так интерпретируем самую душу поэтессы, которая, как и все носители высшей совести России, не в последнюю очередь Пастернак, никогда не была вульгарно враждебна трагическим событиям революции, великому историческому испытанию, к которому была призвана крестьянская Россия, к грехам, к кровопролитию, в которых мы все в большей или меньшей степени чувствуем себя по-человечески виноватыми.

Что касается вопроса о том, нашли ли события революции и войны явный отголосок в ее стихах, – после того, что мы сказали, нам кажется наивным проверять, как и насколько она их выразила. Прекрасные стихи, которые она посвятила суровым испытаниям своего народа, так же прекрасны, как и многие другие благородные проявления героизма и патриотизма; и мы не преминули привести несколько примеров по своему выбору. В них умолкла самая сокровенная, самая личная ее Муза, и ее голос, ставший безымянным, вернулся в лоно, к теплой, родной крови ее народа, боровшегося со свирепым захватчиком за высокие идеалы свободы и справедливости»; перевод Анны Балестриери].

В мае 1965 года, разбирая недочеты диссертации Сэма Драйвера (см.: Тименчик 2020: 258), Ахматова заметила: «Бульварные, подтасованные, продажные и просто глупые мемуары попали в научные работы. Первый попался на эту удочку Бруно Карневали (Падуанский <sic! – вместо “пармский”. – Р. Д.> сборник – предисловие), но он сравнительно легко отделался» (Ахматова

1996: 624); тем не менее, она включала это предисловие в рекомендательную библиографию о себе (см.: Ахматова 1996: 524), и в советах Северину Поллаку (см.: Ахматова 1996: 473), и в упреках Глебу Струве (см.: Ахматова 1996: 699).

В автобиблиографии отмечены две рецензии литературоведа Пьетро Антонио Цветеремича (Zveteremich; 1922–1992) на пармскую книгу (см.: Ахматова 1996: 430, 590, 699), а в бумагах Ахматовой сохранился выполненный для нее перевод первой рецензии (см.: *Rinascita*. 1964. 11 gennaio. P. 29):

Предлагаемый сборник дает итальянскому читателю основательное и цельное представление о творчестве Ахматовой, которое развевалось последовательно и непрерывно со времени упадка символизма до наших дней, сочетая глубоко оригинальные мотивы с мотивами, свойственными всей европейской поэзии. Вступительная статья, написанная Карневали, содержит многие сведения, необходимые для воссоздания культурного фона на котором развивалась поэзия Ахматовой. Анализируя русскую поэзию XX века, Карневали делает глубокие замечания о характере поэзии Ахматовой, причинах ее актуального звучания и о некоторых аспектах творчества поэтессы (особенно неопубликованных произведений) в соотношении с европейской поэзией в целом. Некоторые утверждения и критические положения представляются спорными, другие требуют уточнения, но в целом Карневали прав, подчеркивая, что Ахматова в своем творчестве отошла от песенной традиции и лирической непосредственности и создала лирику, основанную на осознании и оценке чувства, исполненную напряжения; объект ее – смерть, и поэт – всегда переживший (ОР РНБ. Ф.1 073. № 1832).

В другой рецензии «Anna Achmatova: ne parlarono tanto ai tempi di Zdanov...» (*Paese sera*. 1964. 31 gennaio) Пьетро Цветеремич писал:

...poesia di crisi di quasi rituale celebrazione di un mondo finito: in questo, poesia condizionata dall'orbita del decadentismo, ma, nella luce compatta, continua e intensissima con la quale sonda nuove zone della coscienza contemporanea, poesia che ha un suo posto

importante nella storia poetica europea, alla quale l'Achmatova, come Pasternak, Mandelstam e Chodasevic, hanno dato un contributo ancor insufficientemente studiato e valutato nei suoi esempi indicativi di possibili strade da percorrere. L'introduzione di Carnevali, se pur contiene affermazioni e soluzioni critiche che possono essere discusse, come altre invece acute e fini, fundamentalmente ha il merito di sottrarre la lirica achmatoviana a quella esterna interpretazione tematica che la descrive semplicemente come poetessa d'amore e di femminili compiacenze, proponendone una immagine dal significato assai più profondo e produttivo. [«...кризисная поэзия – поэзия едва ли не ритуального прославления ограниченного мира: поэзия, предопределенная орбитой декадентства, но с плотным, непрерывным и интенсивным светом, исследующим новые области современного сознания, поэзия, занимающая важное место в европейской традиции, в которую Ахматова, как и Пастернак, Мандельштам и Ходасевич, внесла вклад, который до сих пор недостаточно изучен и оценен в своих образцах, указывающих на возможные пути следования. Введение Карневали, даже если оно содержит критические утверждения и решения, о которых можно дискутировать, как и другие, которые, наоборот, остры и прекрасны, своей основной заслугой имеет изъятие ахматовской лирики из той внешней тематической интерпретации, которая описывает ее просто как поэтессу любви и женственной самоуспокоенности, предлагая картину, исполненную гораздо более глубокого и продуктивного смысла»; перевод Анны Балестриери].

Оповещение о выходе итальянского сборника (ср.: «Почти одновременно в Италии выпущены сборники переводов трех советских поэтов – А. Ахматовой, Э. Багрицкого и О. Мандельштама. // Стихи Ахматовой переведены Б. Карневали, который является и составителем этого объемистого сборника (354 страницы), охватывающего различные периоды творчества поэтессы, пользующейся популярностью у итальянских любителей поэзии и недавно удостоенной литературной премии “Этна-Таормина”. Сборник выпущен издательством Гуанда». – Б. п. 1965: 273) появилось в советской печати с запозданием.

Риччо (Riccio) Карло (1932–2011), он же «ёжик» (*riccio*, *ит.* – ‘кудрявый’, ‘ёж’, ‘локон’) – итальянский поэт, переводчик, литературовед-русист.

Адрес вписан его рукой: «Via F. P. Tosti, 19 = Roma (1) Рим» (Ахматова 1996: 590). Познакомился с Ахматовой в Риме в декабре 1964 г. К этому времени им был переведен «Реквием» (см.: Achmatova 1964a: 3–9; ср.: Ахматова 1996: 347, 605, 630, 637, 736); после исправлений, сообщенных Ахматовой, перевод был перепечатан (см.: Achmatova 1964b: 12). В начале 1965 года появился его перевод «Полночных стихов» (см.: Achmatova 1965: 11; ср.: Ахматова 1996: 610, 618, 736). В апреле 1965 года приехал на шестимесячную стажировку в СССР. На протяжении этих месяцев он неоднократно виделся с Ахматовой (ср.: «Вербное воскресенье. Приехала Ира [Пунина] с ежиком»; «Среда на Святой. И ежик». – Ахматова 1996: 619, 620), рассказывал о готовящемся им однотомнике для туринаского издателя Дж. Эйнауди (1912–1999) (см.: Ахматова 1996: 510, 575, 623, 637, 641, 659, 676, 686, 735). «Синьор Эйнауди с Божьей помощью у себя в Турине печатает “Поэму без героя”, “Requiem” и еще что-то (перевод Карло Риччо)» (Ахматова 1996: 699). Ему был подарен сборник «Бег времени» (см.: Ахматова 1996: 633, 634, 745); предполагалось подарить сборник «Голоса поэтов» (см.: Ахматова 1996: 681). В его экземпляр «Поэмы без героя» Ахматова внесла исправления и дополнения, и в 1966 году издание с параллельным текстом увидело свет (см.: Achmatova 1966).

Александр Гвидонович Больто фон Гогенбах (1896–1972), выпускник Александровского лицея 1917 года, лектор университет в Палермо, сотрудник парижской газеты «Русская мысль», писал в рецензии:

Перевод – подстрочный, точный, тщательный, слово в слово. Конечно, все соки, которые чародейка поэтесса вытягивает из земных корней родной речи и через свое вдохновение превращает в цветы и музыку, где слова подчиняются рифме и мысли идут поступью размера, улечиваются из такого нестихотворного перевода. Остается вещественная сущность мысли и вложенная

в нее поэзия, остается предметность слов, насаженных на нить, как «четки». А поэзия Анны Ахматовой в большой мере вдохновлена картинностью видений и осязаемостью вещей. Это облегчает перевод и передачу итальянскому читателю поэтической сущности ее стихов. Итальянский язык богат всевозможными специальными терминами, и итальянцы любят техническую точность своего языка. Поэтому такие слова, как «дылда», «сорванцы», «чудить», «голубка», «плясать вприсядку», «непробудная сонь вещей», «гость зазеркальный» и даже «помнить и вспомнить» находят соответствия.

Но есть в обоих языках и несмежные слова. «Бездорожье», «полозья», «аукаться», «козлоногая», «волчий оскал» и другие переведены приблизительно. «Крупчатая вьюга» становится «мучнистой», а уж наши глаголы в совершенном виде, как, например, «дождаться», совсем головоломны. Иногда переводчик увлекается уточнением без видимой надобности. Например: «Но была для меня та тема / Как раздавленная хризантема / На полу, когда гроб несут» – в переводе выходит: «Но была в моих глазах та тема / как раздавленная хризантема / на полу, когда гробовщики уносят гроб». Не лучше ли было оставить «для меня» вместо – «в моих глазах»? И какое значение имеет – несут ли гроб гробовщики, сослуживцы или домочадцы?

А вот самое трудное: «веселиться – так веселиться». Оно насыщено вековой жизнерадостностью русского сердца и непередаваемо, как «пир горой». Эту задачу переводчик разрешил замечательно: он заимствовал у Лоренцо Прекрасного Медичи строку, повторяющуюся восемь раз в его знаменитом «Триумфе Вакха и Ариадны», вещающую уже пять веков жизнерадостность в итальянском духе: «chi vuol esser lieto, sia...»

В общем, за восемьдесят страниц такого точного и дословного, хоть и не стихотворного перевода Ахматовой переводчику спасибо. Не могу не отметить постоянной во многих советских и зарубежных изданиях ошибки предложного падежа среднего рода! На страницах 60, 72 и 76 вместо «в накипаньи», «в ожерельи» и «В отдаленьи» напечатано с окончанием «ье», что соответствует

не предложному, а тут совсем неуместному винительному падежу (см.: Больто 1968: 211; «волчьего оскала» в «Поэме без героя» нет).

Впоследствии Карло Риччо выпустил научное издание «Поэмы без героя» (см.: Riccio 1996) и начал писать воспоминания об Ахматовой (Риччо 2011: 55–56).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Асеев Н. 1967. Стихотворения и поэмы / Вступительная ст. и сост. А. Урбана; подготовка текста и примечания А. Урбана и Р. Вальбе. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение.
- Ахматова А. 1976. Стихотворения и поэмы / Вступительная ст. А. Суркова; сост. подготовка текста и примечания В. М. Жирмунского. Л.: Советский писатель.
- Ахматова А. 1989. Requiem / Сост. и примечания Р. Д. Тименчика при участии К. М. Поливанова. М.: Издательство МПИ.
- Б. п. 1965. На всех языках. – Иностранная литература. № 10. С. 273.
- Больто А. 1968. Анна Ахматова в итальянском издании. – Грани. № 68. С. 210–211.
- Гофман Т. 1897. Собр. соч. Т. 5: Эликсир Сатаны. Очерк / Пер. В. Л. Ранцова. СПб.: Типография бр. Пантелеевых.
- Марчанова М. 2006. Анна Ахматова и Мария Марчанова: Переписка (1960–1964 годы) / Вступительная заметка О. М. Малевича, подготовка текста и комментариев Н. И. Крайневой, О. М. Малевича. – «Я всем прощение дарю...»: Ахматовский сборник / Сост. Н. И. Крайнева, под общей ред. Д. Макфадьена и Н. И. Крайневой. М.; СПб.: Альянс-Архео. С. 318–331 (UCLA Slavic Studies. New Series. Vol. 5).
- Риччо К. 1998. Ахматова и Италия: Библиографические заметки. – Эйхенбаумовские чтения: Тезисы докладов международной научной конференции. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет. С. 55–56.
- Риччо К. 2011. Мемуарные заметки о встречах с Анной Ахматовой. – Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. – Крымский Ахматовский научный сборник. Вып. 9. Симферополь: Крымский архив. С. 55–56.
- Тименчик Р. 1989. Страницы черновиков Анны Ахматовой. – Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: Аннотированный каталог. Публикации. М.: Книга. С. 375–379.

- Тименчик Р. 2006. «Записные книжки» Анны Ахматовой: Из «Именного указателя». I. – Эткиндовские чтения II–III: Сборник статей по материалам Чтений памяти Е. Г. Эткинда / Сост. П. Л. Вахтина, А. А. Долинин, Б. А. Кац. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. С. 214–275.
- Тименчик Р. Д. 2019. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: [Малковати]. – *Slavica Revalensia*. Vol. VI. С. 198–199.
- Тименчик Р. Д. 2020. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: [Драйвер]. – *Slavica Revalensia*. Vol. VII. С. 248–266.
- Топоров В. Н. 1981. Ахматова и Блок (К проблеме построения поэтического диалога: «блоковский» текст Ахматовой). Berkeley: Berkeley Slavic Specialties (Modern Russian Literature and Culture: *Studies and Texts*. Vol. 5).
- Achmatova, A. 1962. *Poesie* / Con introduzione di Bruno Carnevali. Parma: Guanda.
- Achmatova, A. 1963. L'ultima rosa. Il quaderno bruciato / Trad. di A. M. Ripellino. – *L'Europa letteraria*. Anno IV. N° 19. P. 47.
- Achmatova, A. 1964a. Requiem / Trad. di Carlo Riccio. Prefazione: “L'occhio asciutto” di Gustavo Herling. – *Tempo presente*. Anno IX. N° 1. P. 3–9.
- Achmatova, A. 1964b. Requiem. – *La Fiera letteraria*. Anno XIX. N° 44. P. 12.
- Achmatova, A. 1965. Versi di mezzanotte, con la traduzione a cura di Carlo Riccio (Elegia preprimaverile; Primo preavviso; Al di là dello specchio; Tredici versi; Appello; Visitazione notturna; Ultima). – *L'Europa letteraria*. Anno VI. N° 33. P. 11.
- Achmatova, A. 1966. Poema senza eroe e altre poesie / Trad. e cura di Carlo Riccio. Torino: Giulio Einaudi editore.
- Riccio, C. 1996. Materiali per un'edizione critica di «Poëma bez geroja» di Anna Achmatova. Macerata: Giardini.

REFERENCES

- Achmatova, A. *Poesie*. Prefaced by Bruno Carnevali. Parma: Guanda, 1962.
- . “L'ultima rosa. Il quaderno bruciato.” Translated by A. M. Ripellino. *L'Europa letteraria* 4, no. 19 (1963): 47.
- . “Requiem.” Translated by Carlo Riccio, foreword “L'occhio asciutto” by Gustavo Herling. *Tempo presente* 9, no. 1 (1964): 3–9.
- . “Requiem.” *La Fiera letteraria* 19, no. 44 (1964): 12.

- . “Versi di mezzanotte (Elegia preprimaverile; Primo preavviso; Al di là dello specchio; Tredici versi; Appello; Visitazione notturna; Ultima).” Translated and edited by Carlo Riccio. *L'Europa letteraria* 6, no. 33 (1965): 11.
- . *Poema senza eroe e altre poesie*. Translated by Carlo Riccio. Turin: Giulio Einaudi editore, 1966.
- Akhmatova, A. *Stikhotvoreniia i poemy*. Prefaced by A. Surkov, edited and annotated by V. M. Zhirmunskii. Leningrad: Sovetskii pisatel'. Leningradskoe otdelenie, 1976.
- . *Requiem*. Edited and annotated by R. D. Timenchik in collaboration with K. M. Polivanov. Moscow: Izdatel'stvo MPI, 1989.
- Anonymous. “Na vsekhiazykakh.” *Inostrannaia literatura* 10 (1965): 273.
- Aseev, N. *Stikhotvoreniia i poemy*. Prefaced by A. Urban, edited and annotated by A. Urban and R. Val'be. Leningrad: Sovetskii pisatel'. Leningradskoe otdelenie, 1967.
- Bol'to, A. “Anna Akhmatova v ital'ianskom izdanii.” *Grani* 68 (1968): 210–11.
- Hoffmann, [E.] T. [A.] *Sobranie sochinenii*. Vol. 5, *Eliksir Satany. Ocherk*. Translated by V. L. Rantsov. Saint-Petersburg: Tipografia br. Pantelevykh, 1897.
- Malevich, O. M. and N. I. Kraineva. “Anna Akhmatova i Mariia Marchanova: Perepiska (1960–1964 gody).” Prefaced by O. M. Malevich, edited and annotated by N. I. Kraineva and O. M. Malevich. In “*Ia vsem proshchenie daruiu...*”: *Akhmatovskii sbornik*. Edited by N. I. Kraineva and David MacFadyen. UCLA Slavic Studies. New Series. Vol. 5, 318–31. Moscow and Saint-Petersburg: Al'ians-Arkheo, 2006.
- Riccio C. “Akhmatova i Italiia: Bibliograficheskie zametki.” *Eikhenbaumovskie chteniia: Tezisy dokladov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, 55–56. Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 1998.
- . *Materiali per un'edizione critica di «Poema bez geroja» di Anna Achmatova*. Macerata: Giardini, 1996.
- . “Memuarnye zametki o vstrechakh s Annoi Akhmatovoi.” In *Anna Akhmatova: epokha, sud'ba, tvorchestvo. Krymskii Akhmatovskii nauchnyi sbornik*. Vol. 9, 55–56. Sympheropolis: Krymskii arkhiv, 2011.
- Timenchik, R. “Stranitsy chernovikov Anny Akhmatovoi.” In *Knigi i rukopisi v sobranii M. S. Lesmana: Annotirovannyi katalog. Publikatsii*, 375–79. Moscow: Kniga, 1989.
- . “Zapisnye knizhki' Anny Akhmatovoi: Iz 'Imennogo ukazatel'ia.' I.” In *Etkindovskie chteniia II–III: Sbornik statei po materialam Chtenii pamiatii*

- E. G. Etkinda*. Edited by P. L. Vakhtina, A. A. Dolinin and B. A. Kats, 214–75. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2006.
- . “Iz Imennogo ukazatel'ia k ‘Zapisnym knizhkam’ Akhmatovoi: [Malcovati].” *Slavica Revalensia* 6 (2019): 198–99.
- . “Iz Imennogo ukazatel'ia k ‘Zapisnym knizhkam’ Akhmatovoi: [Driver].” – *Slavica Revalensia* 7 (2020): 248–66.
- Toporov, V. N. *Akhmatova i Blok (K probleme postroeniia poeticheskogo dialoga: “blokovskii” tekst Akhmatovoi)*. *Modern Russian Literature and Culture: Studies and Texts*. Vol. 5. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1981.